

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ ОБЩЕСТВА И ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ

В статье приведен анализ феномена массового сознания и массовой культуры современного общества в аспекте перспектив творческой реализации личности. Автор обращает внимание на пути решения проблемы творческого потенциала личности, осмысленные в русской традиции философии, совмещающей механизмы модернизации культуры с творческим праксисом субъекта истории.

Ключевые слова: массовое сознание, субъект, творчество, личность, индивидуация, история.

V.L. Kruglov

THE MASS CONSCIOUSNESS OF THE SOCIETY AND THE CREATIVE POTENTIAL OF THE PERSONALITY

The analysis of the phenomenon of the modern society mass consciousness and mass culture in terms of prospects for the personality creative realization is given in the article. The author gives attention to the ways of solving the personality creative potential problems, interpreted by the Russian tradition of philosophy, combining the mechanisms of culture modernization with the creative praxis of the history subject.

Key words: mass consciousness, subject, creativity, personality, individuation, history.

В политическом брожении и социальной сумятице 30-х прошлого столетия Хосе Ортега-и-Гассет подметил: «плебейство и гнет массы даже в кругах традиционно элитарных – характерное свойство нашего времени» («Восстание масс», 1930) [1, с. 310]. Позднее в работе «Человек и люди» (1930–1940, издана 1957) он же добавит: «Почти весь мир – в смятении, а смятенный человек лишается своего самого существенного качества: способности размышлять, способности углубляться в себя, чтобы достичь согласия с собой и выяснить, во что же он действительно верит, что он действительно ценит и что ненавидит. Смятение помрачает его рассудок, ослепляет его, заставляет действовать механически, исступленно, как сомнамбула» [2, с. 233]. Удивительно странная параллель «человека массы» и «человека смятенного» в скандально знаменитых наблюдениях мыслителя – случайны ли *сновидческие* мотивы в оценке массового характера *сознания* эпохи?

По крайней мере, классическая идиома «сна разума», погружающего в стихии бессознательного и рождающего «чудовищ», в данном случае явно неуместна. Массовое сознание современного человека не схватывается ни моделью коллективного бессознательного, архетипы которого блокируются отсутствием механизмов трансляции традиции, ни классической моделью общественного сознания, лишенной стабильных иерархических связей организации социума. Свообразие этой, сродственной *Zeitgeist* и принципиально новой для европейского человека, формы общественного сознания можно выразить формулой «инсценированного медиального сознания», основанного на сознательном отказе субъекта от акта индивидуации в пользу центростремительной стратегии реализации права на узурпацию статусного «места» в обществе.

Неслучайно носитель массового сознания – так называемый «массовый субъект» – являет себя как «нечто» химерическое и ускользающее от фиксации мыслителем: он принципиально бесформенен и неопределен как качественно, так и количественно; его невозможно исчислить или измерить; принципиально невозможно заставить проявить себя в поступке либо в намерении; он всегда сокрыт, всегда загадка и в то же время, как секрет полишинеля, всем известен. Подобно кристаллу в воде, субъект массового сознания, будучи погруженным в «массу», теряет свои очертания и становится невидимым.

«Масса» же всегда есть нечто аморфное – тождественное составляющим элементам и в то же время гетерогенно пестрое по своему публичному составу, безразборчиво и беспринципно всеядное, нечто размыто ситуативное как лишенное самостоятельного действия. В обмен на отказ от деятельного начала персоны, ряженной в одежды «самозванства» массы [см.: 3, с. 43–45], обезличенный субъект, согласно степени социально-ролевого участия в «действии жизни», получает поддержку таких же, как он. На место персоны заступает социальный купаж стандартизированного и осознанно клишированного образа социального *актора*, типажа современного *ánthropos* – «Он» становится средством реализации обезличенного, но многоликого «мы», одобренного вердиктом «я как все». Тем самым узурпация как насильственное присвоение чужого права – захват пространства социальных полномочий вне права притязаний личности, что было недопустимо в традиционном обществе, парадоксально оправдано феноменом круговой поруки, все-дозволенности и все-доступности статуса «современного человека» [ср.: 2, с. 250–251]. С учетом таких качеств субъекта массовое сознание приобретает особый статус. Это своего рода обволакивающее заполонившее традиционное

сознание образование – «среда обитания», размывающее сложившиеся социальные границы «классов», «страт» и «групп» и ломающее порядки культурных установлений.

Межгрупповое, размыто медиальное сознание «массы», вбирая в себя творческий потенциал человека, заполняя собой и присваивая себе мощь социальных институтов, скрыто дрейфует и бурно распространяется, шаг за шагом захватывая все пространство жизни общества – от безлико-стихийных ко все более институализированным и устойчивым технологиям и от примитивных к все более развитым и разнообразным формам своего влияния. Другими словами, массовое сознание – это сознание «типичного человека» как средоточия и центра, главной силы общественной жизни. Ортега-и-Гассет и называл его «средним человеком», или «посредственностью» [1, с. 309, 311]. «Средний человек», «Middling man», «Он» (здесь явные аллюзии с ранним М.Хайдеггером, знаменитое «das Man» из 27 Параграфа Первого раздела Четвертой главы «Бытие и время») – «место» имеющая анафора современного общества, одновременно размывающая и стирающая границы «Я» и «Чужого», а в принципе и всякой возможности «иного», контролирует и творит мир заданных ролей и делегированных полномочий.

Скрыто рассредоточенное, плавающее безличие «массы» всегда деятельно двулико – как общественная сила она агрессивна активна, но творчески инертна. В агрессии самореализации «масса» вновь и вновь утверждает открытые для обывателя технологии «предприимчивости» и «успеха» и в то же время ревностно купирует, протекционистски опосредует любые попытки творческой ревизии собственной сущности [ср.: 1, с. 321]. Отсюда сомнамбулически деятельная инертность массового человека как следствие технологий и репертуаров передоверия «самости» – это творческая энергия без деятеля, константный транзит «Я» в «Он». В отличие от «толпы» «масса» – это жизнь «в сознании». И инсценированный ее сознанием «транзитивный субъект», погруженный в *perpetuum mobile* массовой культуры – делегированный и декорированный «центр» и стержень модерна, – единственное творение массы, подменившее активность корпоративной «сознательностью», а творческий акт псевдоколлективизмом креативности.

Характерно, что само слово «креативность», не так давно вторгшееся в обиход отечественной словесности и раздражающее многих модернистским эпатажем по отношению к более привычным лексемам творчества, в исходной традиции – от английского «create» (в отличие от «creation»), определено довольно двусмысленно: в английском языке оно обозначает глагольные формы таких действий, как задумывать, проектировать, разрабатывать, порождать, создавать, творить, но также и – производить впечатление, вызывать эмоции, суетиться, нервничать, ворчать, брюзжать. Характерно и то, что термин «креативность» появился и закрепился в практике тестирования интеллектуальных и творческих способностей индивида, направленных на коррекцию психофизических параметров состояния человека и повышение его работоспособности. Как бы там ни было, под «креативностью» принято понимать творческие способности человека в сочетании с готовностью производить планируемое и контролируемое «новое» и решимостью преодолевать препятствия на этом пути. Это своего рода идиома спекулятивного отношения «коллектива» к творческому потенциалу персоны, выражающая степень её склонения к производству – работе на достижение заданного результата, а тем самым предполагающая и производство субъекта с соответствующим программируемым набором свойств; это массовое распределение заданных форм творчества как реализация готовых форм личности.

Отсюда и инсценированно-виртуальные миры реализации персоны – созданные и стимулируемые современностью интерактивные резервации творчества, ликвидировавшие дух «героев и толпы» и в границах которых каждый может воздействовать на всё в силу своих возможностей, и каждый получает удовлетворение на сцене «распределения престижа» (Миллс Ч.). Дегуманизированные формы творчества как механизмы встраивания персоны в стратифицированные порядки социально-культурной организации «массы» неизбежно сокращают поле «личного» пространства реализации, или, что то же самое, нивелируют личность к мере социальности. Массово обобществленная инициатива творчества субъекта действительно впечатляет масштабами и поражает результатами, которые, однако, всегда выполняют функцию обмена «товаром». Массовое сознание – это субъект в сознании неуместности «я», или с состоянием «не в себе». И потому «посредственность» – это всегда нечто неменяемое доводам классического разума, в свою очередь, редуцирующего её к состояниям «животного», или «толпы»: «Совершенно ясно, что поскольку человек – это животное, которому удалось уйти в себя, то человек в испуганном состоянии, постепенно опускаясь, нисходит до животного уровня. Подобное зрелище всегда являют эпохи, обожествляющие чистую деятельность» [2, с. 250, ср.: с. 234].

Однако не следует полагать, что неменяемость массового, или усредненного субъекта современности в аспекте посредственности своей природы есть нечто «клиническое» с точки зрения диагностики патологии общества. Напротив, возмущенный «массой» пафос классического разума здесь не лучший помощник. Еще З. Фрейд предупреждал, что анализ массовых состояний требует особой осторожности: «психоанализ

коллективных неврозов наталкивается на одну особую трудность. В случае неврозов отдельного человека, в качестве ближайшего отправного пункта нам служит контраст, выделяющий больного из его окружения, рассматриваемого нами как «нормальное». Этот фон отсутствует у однородным образом аффектированной массы, и мы его должны искать где-то в другом месте» [4, Т.2, с. 78]. Здоровый сон современного *ánthropos* подобен впадению в анабиоз – физиологической реакции организма при угнетении процессов жизнедеятельности, с той лишь разницей, что угнетению подвергаются процессы деятельной природы человека [1, с. 305–306]. В результате чего возникают свернутые до примитивизма (законсервированные) состояния не столько витальной, сколько духовной сферы в качестве новых, мумифицированных форм жизни сознания, порождающие своего рода, витализмы духа [ср.: 2, с. 257] – скрытые формы адаптивного «понижения» и погружения сознания в сферу производства бытовых практик, обеспечивающие себя технологиями массовой дефляции (от позднелатинского *deflatio* – выдувание, сдувание) ценностей традиционной культуры: «Культуры нет, если эстетические споры не ставят целью оправдать искусство» [1, с. 323–324, ср.: 5, с. 22]. Но оправданием искусства может быть только акт творчества, в котором обустроенный быт посредственности неотвратимо разрушается.

Характерно, что в первой трети прошлого столетия – в лицедейски праздничной и в то же время гнетущей атмосфере пестования духа коллективизма и массовой истерии гонения «личностей» – на перепутье вопросов о природе творчества и месте человека в современном мире оказалась и русская философская мысль: «Жизнь масс подлжит закону коллективной одержимости, в которой личность исчезает. Существование личности, выброшенное в массу, в массовое движение, в массовую одержимость и подражательность, в низость массовых эмоций и инстинктов, не возвышается качественно, а понижается. ... В стихийно-бессознательных, исключительно-эмоциональных массовых состояниях «я» не испытывает одиночества совсем не потому, что оно общается с «ты», соединяется с другим, а потому, что оно исчезает, что угасает самочувствие и самосознание «я». ...«Я» выходит из состояния одиночества через потерю себя. ...Происходит рационализация безличных инстинктов и влечений» (*курсив мой* – В.К.) [6, с. 311].

Мало того, Н.А. Бердяев уже в 1916 г. имел основания полагать, что «трагедия творчества и кризис творчества и есть основная проблема, переданная XIX веком веку XX» («Смысл творчества. Опыт оправдания человека»): «Задание всякого творческого акта – создание иного бытия, иной жизни, прорыв через «мир сей» к миру иному, от хаотически-тяжелого и уродливого мира к свободному и прекрасному космосу» [7, с. 438]. Но акт творчества это не только вектор к будущему, но и преодоление посредственности настоящего: «...человеческая ограниченность делает относительное и временное абсолютным и вечным. Это есть одна из форм человеческого самоутверждения, человеческого довольства своей ограниченностью, человеческой боязни бесконечности духовного мира. Именно творчество и есть трансцензус, выход из человеческой замкнутости и ограниченности» [6, с. 199].

Мотив путей творчества к Жизни как укорененности и возвращения творчества к эстетическим формам полноты и целостности – личности как «я» и судьбы как человечества – мы находим и у Ф.А. Степуна («Жизнь и творчество», в виде отдельных статей 1910–1913; книга 1923 г.): «Форма личности есть, согласно нашему определению, такая форма, в которой полюс моего субъективированного «я», т.е. мое «я», как форма переживания, сочетается с полюсом моего объективированного «я», т.е. с моим «я», как переживаемым в переживании содержанием, в некое абсолютно нерасторжимое единство. А так как нерасторжимость формы и содержания является признаком их эстетического взаимодействия, то ясно, что в форме личности каждый человек становится художественною формою себя самого, а тем самым и творцом художественного произведения. Творя себя, как личность, всякий человек обретает, значит, то отношение к полюсу мистической жизни, которое вообще обретаемо в сфере искусства. Но обретая его, он обретает и большее. ...каждая личность, будучи сама в себе вполне законченным художественным произведением, может органически слиться со всеми другими личностями, объединяя себя с ними в тех ценностях состояния, которые мы называем формами судьбы, конкретизируемыми в любви, семье, обществе, нации, церкви» [8, с. 119–120].

Средоточие жизни культуры – пути творчества человека, распятого между обезличенной властью массы и сокровенным миром личного, – одна из центральных тем размышлений и В.Ф. Эрн: «Культура живет и создается творчеством. Культуру всего правильнее определить как – солидарная преемственность творчества. Во что же она превращается, если рационализм обесмысливает ее *primum movens* [первое движущее] творчество? Она превращается в дело абсолютно бессмысленное. Так как истинного творчества, т.е. истинного преодоления материи формой, быть не может, то культура в своих основах призрачна. ...Принципиально и до конца хаотизируя жизнь, рационализм необходимо обесмысливает и то цветение жизни, которое мы называем культурой. Острие рационализма устремляется на самую душу культуры, на творчество, и тот, кто действительно проникается рационализмом, тот уже не способен не только участво-

вать творчески в великом культурном делании человечества, но даже понимать то, что уже сделано, что делается и что должно делаться в будущем. ...Культура есть собрание и высшая творческая организация самых глубинных стихий жизни» [9, с. 282–283]. Еще более категоричен В.И. Иванов: «то, что мы за отсутствием иного слова принуждены называть культурой, – есть именно творчество» [10, с. 65].

Мир, порождающий дегуманизированные (Ортега-и-Гассет Х.) формы творчества – творчества без творца – посредственный мир без-личности, провоцирует и ревизию акта творчества как акта утверждения и оправдания, конституирования человека: «Творчество есть обнаружение человеческого начала, человеческой природы» [6, с. 157]. Духовно-витальные, свернуто инертные формы творчества ведут к регрессу реализации человека – дефициту собственной природы – уничтожению, обесцениванию и обесмысливанию в потоке массового размена сил потребности роста [ср.: 1, с. 321], смятенной экспрессией исступления и наслаждения. Неудовлетворенность культурой (Фрейд З.) и искусство, загнанное в пределы жизни – эрзац-эстетизм развлечения и украшательства, которым подпитывают дефицит творчества, но не эстетическое наслаждение из полноты жизни персоны, – есть признаки смятения современного разума.

Густав Шпет в «Эстетических фрагментах» (1922–1923) – разделе «Искусство и жизнь» напишет: «Украшение – только экспрессивность красоты, т.е. жест, мимика, слезы и улыбка, но еще не мысль, не идея. Экспрессивность – вообще от избытка. Смысл, идея должны жить, т.е., во-первых, испытывать недостаток и потому, во-вторых, воплощаться, выражаться. Красота – от потребности выразить смысл. *Realisez – tout est là* (Сезанн). Потребность – пока она не успокоена – беспокойство, неутоленность. Творчество – беспокойная мука, пока не найдено выражение. Муки ученика – страшнее мук мастера: пока то выражение не «удовлетворяет», пока то не выразишь волнующего. Поистине, пока оно не выражено, оно уничтожает сознание, издевается над разумом» [11, с. 351–352]. Обобщенные и деформированные массовым сознанием акты творчества не знают мук ни мастера, ни ученика – сознание массы не нуждается ни в самосознании личности, ни в потребности выражения. Потому и само слово «личность» требует нового, не столько рационального, сколько эстетически вменяемого прочтения: «Личность есть слово, и требует своего понимания. Она имеет свои чувственные, оптические, логические и поэтические формы. Последние конструируются как отношение между экспрессивными формами случайных фактов ее поведения и внутренними формами закономерности ее характера. Эстетическое восприятие имеет здесь свои категории. Эстетическое наслаждение вызывается «строением» характера как «цельного» («единство в многообразии»), «гармоничного», «последовательного в поведении», «возвышенного по чувствам», «героического», «грациозного в манерах», «грандиозного в замыслах» и т.д.» [Там же, с. 471].

Именно в синергии (в изначальном смысле слова – без христианских и дисциплинарно научных коннотаций, от греч. *synergos* – вместе действующий, и *synergia* – сотрудничество, содействие) «восприятия» и «наслаждения» – целостности эстетического переживания личности, фиксирующего и подтверждающего акт творчества, – заключена и полнота формулы творческого устройства персоны: «творец-творчество-творение» как единый акт взаимовхождения, равно-действия полюсов созидания и наслаждения равнодействием творца и его творения в состоянии «у-миро-творения». В этом своем качестве эстетическое наслаждение «личности» – в стойкости «отношения между экспрессивными формами случайных фактов ее поведения и внутренними формами закономерности ее характера» (Шпет Г.), – принципиально отлично от эстетического наслаждения «middling man». В этом и её нравственное оправдание: еще в этике Стои эстетизм «умиротворения» – переживание слияния с «целым», оправдывающее жизнь, погружение в целокупность мира («*Toti se inserens mundo*», Сенека, Письмо LXVI, 6–7) [ср.: 12, с. 135] – считался обязательной добродетелью мудрой личности. Одним из ликов целомудрия было наслаждение естественно спокойной и безмятежной, но строгой радостью: «Поверь мне, настоящая радость сурова», которое отличали от недостойных наслаждений тем, «что блестит снаружи» (Сенека, Письмо XXIII, 3) [12, с. 50–51]. Принципиально нравственное различие двух типов наслаждения – «удовольствия» и «радости», «*voluptas*» и «*gaudium*», «*hedone*» и «*eupatheia*» – будет широко представлено в европейской культуре и позже через этическую мысль неоплатонизма и богословие христианства к нравственным канонам новоевропейской философии: «Вот что, Луцилий, сделай прежде всего: научись радоваться!» (Сенека, Письмо XXIII, 3–6).

В западноевропейской философии об этом лейтмотиве классической мысли, полемизируя с М. Фуко, своевременно напомнил современному человеку Пьер Адо в «Размышлениях о понятии «культуры себя» [см.: 13, с. 299–310].

Эстетическое наслаждение из свободы и полноты жизни персоны, несущее радость и творческое удовлетворение, и прельщающий доступностью эстетизм ущербной природы массовой посредственности, вновь и вновь требующей насыщения, – плоды *несовместимых* модусов реализации человека, встроенного в мир культуры. Ведь в сокровенно-личном смысле слова творчество не есть праздный трансцензус – куль-

турный моцион «перешагивания» рубежей, акция беспечно беззаботного «выхода из человеческой замкнутости и ограниченности». По сути своей – это экзистенциальный прорыв персоны, акт решительной экспансии эстезиса, актуализации-развертывания точки рефлексии и катарсиса. Это акт прояснения сознания и очищающего пробуждения из состояния условности, акт вхождения в рас-строенное умонастроение эпохи и в конечном счете – появления и вторжения в пространство «мира» приватной стихии «личности» как утверждение безусловных воли и достоинства человека. Сравните: личность – суть «внутреннее определение единичного существа в его самостоятельности, как обладающего разумом, волей и своеобразным характером, при единстве самосознания. Так как разум и воля суть (в возможности) формы бесконечного содержания (ибо мы можем все полнее и полнее понимать истину и стремиться к осуществлению все более и более совершенного блага), то личность человеческая имеет, в принципе, *безусловное достоинство*, на чем основаны ее неотъемлемые права, все более и более за ней признаваемые по мере исторического прогресса» (из статьи Соловьева В.С. «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона»).

Тем самым «освоенное» – личное – пространство творения есть локус введения потенциала персоны в реалии культуры и жизни, а значит, сущностные начала культуры, поэзис, ноззис и вера, в качестве результирующих актов рефлексии мира, позволительно рассматривать и как атрибутивные характеристики творческой актуализации личности, а в её процессуальном единстве – творческий праксис – утверждение «нового» субъекта истории.

Таким образом, творческое пространство личности как интегральное усилие персоны являет себя как топос пересечения, соединения и перепутья, «точки» выбора, прогресса и падений, схождения и соответствий – место-расположение, а в нем и место рождения культуры, где мифы «мира» неизбежно поверяются человеком в его логосе.

Антропологическая петля культуры в ходе истории стягивается в узел личности, проецируя и порождая узловые точки событийности как акты рефлексии – творчества на пределах возможностей: личность – это творческая причастность обустройству мира, а не эстетская комбинаторика конформистского «устройства» жизни в качестве «меры социальности» и представителя сознательной «массы». В этом смысле известная проблема личности в истории и проблема творчества суть одно и то же. «Всякое творчество человека требует свободы – добровольного самовложения, созерцающей инициативы, личного почина, любви и вдохновения. Творчество возникает из внутреннего, нестесненного, таинственного побуждения, в котором участвует сам индивидуальный инстинкт и которым руководит сам личный дух. Эта личная инициатива драгоценна во всех сферах культуры – в искусстве и в хозяйстве, в науке и в политике, в воспитании и во всякой жизненной борьбе. Всякое человеческое творчество возникает из лишений и из страдания, и всякое создание культуры есть преодоленное и оформленное страдание человека. Для того чтобы это преодоление состоялось, человек должен сам принять свое страдание, сам искать выход, сам созерцать, молиться, очищать и просветлять свое сердце» [14, с. 370].

Итак, анализ феномена массового сознания и массовой культуры современного общества в аспекте перспектив творческой реализации личности позволяет сделать следующие выводы:

- процессы модернизации культуры инициировали новый тип медиального сознания, основанный на осознанном отказе субъекта от акта индивидуации в пользу права на присвоение статуарного «места» в обществе;

- доминантными формами исторического существования модернизированного общества становятся массовое сознание и массовая культура, генерирующие инсценированные локусы производства субъекта с набором обезличенных технологий интерактивного творчества в качестве реализации заданных свойств персоны;

- медиально-групповое сознание «массы», присваивая творческий потенциал персоны и власть гражданских институтов, в качестве сознания «типичного человека» ориентировано к экспансии всего пространства социальной жизни: массовое сознание становится средоточием и центром, главной силой модернизированного общества, опосредуя любые попытки ревизии собственной сущности;

- дегуманизированные формы творчества как механизмы встраивания индивида в стратифицированные порядки социально-культурной организации «массы» неизбежно сокращают поле «личного» пространства реализации, нивелируя персону к креативному субъекту с сознанием неуместности «я»;

- поэзис, ноззис и вера в качестве результирующих актов эстетической рефлексии составляют атрибутивные характеристики творческой актуализации личности, а в процессуальном единстве обеспечивают творческий праксис субъекта истории.

Инсценированный и делегированный «центр» модернизированного общества – «транзитивный субъект» истории – столкнулся с дефицитом собственной природы, обнажив проблему творчества как акта оправдания и достояния человека.

Литература

1. *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры: пер. с исп. – М.: Искусство, 1991. – 586 с.
2. *Ортега-и-Гассет Х.* «Дегуманизация искусства» и другие работы: пер. с исп. – М.: Радуга, 1991. – 638 с.
3. *Тульчинский Г.Л.* Самозванство, массовая культура и новая антропология: перспективы постчеловечности // Человек. RU: Гуманитарный альманах. – Новосибирск: Изд-во НГУЭУ, 2008. – С. 42–67.
4. *Фрейд З.* Избранное. – М.: Изд-во «Московский рабочий» с совместн. сов.-запад.-герм. предприятием «Вся Москва», 1990. – 176 с.
5. *Ортега-и-Гассет, Х.* Что такое философия? – М.: Наука, 1991. – 403 с.
6. *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа: Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения. – М.: Республика, 1994. – 480 с.
7. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – 607 с.
8. *Степун Ф.А.* Сочинения. – М.: РОССПЭН, 2000. – 798 с.
9. *Эрн В.Ф.* Сочинения. – М.: Правда, 1991. – 576 с.
10. *Иванов В.И.* Родное и вселенское: кризис индивидуализма. – М.: Республика, 1994. – 428 с.
11. *Шпет Г.Г.* Сочинения. – М.: Правда, 1989. – 602 с.
12. *Сенека Л.А.* Нравственные письма к Луцилию. – Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1986. – 464 с.
13. *Адо Пьер.* Духовные упражнения и античная философия Пьер Адо: пер. с фр. – М.; СПб.: Степной ветер, Колос, 2005. – 448 с.
14. *Ильин И.А.* Путь к очевидности. – М.: Республика, 1992. – 431 с.

